

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

АРКАДИЙ СЛУЦКИЙ

НЕПРИКАЯННАЯ ПАМЯТЬ

Плыл дом
в сто восемьдесят и еще семнадцать дней скитаний...
– Можно Вас на минуту?
Ошеломленный шепот:
– Куда, в потоп?
Потом, еще не время...
Еще небо и воды горизонта не разомкнули
Даже птицам,
Еще голубь масличную ветвь,
Словно дивную весть,
Не принес терпеливому Ною,
Не иссякла вода на земле,
И ворон ковчег не покинул...
Подождите...

ТРИПТИХ ВОСХОЖДЕНИЯ

Алану Корнаеву

1

Осетин стоял у порога камня и слушал.
«Как звезды светились ее глаза в ожидании сына...».
Тысячами языков ласточек
звенела его мастерская.

2

– Кузнец, кузнец, отрежь мне стебелек железа...
Мне не нужно медное темя,
не нужна медная височная кость.
Отрежь стебелек железа,
Я подарю его сыну.
Мой Алан стебелек дуба отломит
в окрестностях Дигоры,
будет слушать эхо металла и эхо дерева.
В степи его мастерская...

3

На орешнике желтый хмель...
В черном кувшине черное пиво...
Этот напиток сварила Сатанай...
Уай-ра, уа-ра-ра-ра, сой...

Кто повторит то, что невозможно повторить...
Стрела в полете застыла звуком...
Золотую возьми с чернью свирель:
Пусть Белая гора рассыплется...
Пусть Черная гора рассыплется...
Уай-ра, уа-ра-ра-ра, сой...

На орешнике желтый хмель,
Птица склевала ягоду,
Уай-ра, уа-ра-ра-ра, сой...

Сердечная боль аритмична...
Непредсказуема...
Мгновенна...

Лишь инородное слово,
Лишняя гласная,
Тромб
Нарушили ритм,
Разорвали ткань
Стихотворения...

* * *

Раскрыл старинную книгу
 В кожаном переплете,
 Обрадовался гравюре,
 подарил книгу библиотеке.
 Может быть...

Попросил друзей:
 Расскажите что-нибудь?
 Они промолчали
 Очертаниями слов.

Сомкнув губы,
 Не сбросил туман...
 Погрузился в молчащие монологи,
 Стал одиноким.

.....

В акустике разрушенного храма
 Люди торопились сквозь туман,
 Губы оставались сомкнутыми.
 Время растворялось
 И влажно струилось по лобовому стеклу.

ПОЛНОЛУНИЕ

Г. Авакемяну

Март аритмичен.
 И сердце болит в полнолуние.
 Столпотворенье норд-остов
 С командировочными удостоверениями.
 Чай у разбуженных горничных.
 Друзья, болеющие в полнолуние сердцем.
 Женщины, любимые одну полнолунную ночь...
 Бог мой – дорога,
 Рогом изобилия раскачала меня в пространстве.
 Март аритмичен.
 Стихи безразмерны, как синтетика.
 Звук – за звуком.
 Слово – за словом.
 Одиночество – за одиночеством.
 Гостиничный таракан – за гостиничным тараканом.
 В тишине крысы грызут полнолуние.
 Друзья спрашивают: «На фиг писать такие стихи?»
 Кто-то твердит, что любит Бенедиктова.
 Чревовещатель коммунальных квартир
 Алла Борисовна Пугачёва
 Под свою музыку
 Распевает
 Английского классика из Стратфорда-на-Эйвоне
 Уильяма Шекспира.

(Москва, ГИХЛ, издание 1966 года, страница 141.)

– God damned!

Свидание телефонных трубок в полнолуние

По льготному тарифу.

В кредит – за рифму каждую.

Молчу.

– Скажите, что-нибудь...

Молчание, на которое можно облокотиться.

Параллельный аппарат взорвался:

– Повымирали вы, что ли?!

– Живы...

До вытягивания жил,

До длинных гудков,

До сердечных приступов,

До вибрации земли.

...Полнолуние.

СМОТРИ В ЛИЦА МЕРТВЫХ ПОЭТОВ

(Диалог с Богданом Бойчуком в жанре подстрочника)

...где (обнажаются, выпирают) скулы

...где вваливаются (высыхают) ямы глазниц

смотри в зияющие дыры, пустые рты (провалы ртов)

...где белеют (известью) на деснах слова

смотри в чашки,

...в которых (булькают, клопочут, пузырятся) застывшие воды

смотри в лица (лики, обличья, личины) поэтов...

...ибо (нужно) постичь (понять) глаза залитые бельмами,

...ибо (нужно) услышать (понять) уши забитые тишиной,

необходимо коснуться седины мертвых волос

ног и рук без движения

необходимо коснуться увядших (зачахнувших) жил и нервов

почувствовать движение (ток) вспять перевоплощенных клеток

необходимо протолкаться сквозь мёртвые лица поэтов

пропульсировать венами по которым уже не течёт кровь

необходимо остановиться на другом берегу смерти...

чтобы увидеть их

как они от отчаяния прижимаются (тулятся, тиснутя)

неприкаянной памятью

к богам

к ужасу голых женщин

к удивлению цветов и видений...

протискивают слова

чтобы просверлить сквозь смерть дыры

а ты

смотри в их лица

лапай (тискай) сытых женщин

давись хлебом...

Переводы с украинского языка

ИЗ МАКСИМА РЫЛЬСКОГО

* * *

Запахла осень вялым табаком,
И яблоком, и призрачным туманом,
И льдинка астры над песком румяным
За отворенным светится окном.

В траве кузнечик, как зеленый гном,
Скрипичный ученик, стрекочет неустанно...
Я спрашиваю, для чего весна нам,
Когда венчает осень серебром.

Возьми свой скарб, и дом родной покинь,
Пей тишину и утреннюю синь
На взлесье, где медово зреют дыни...

Гармонии учись у простоты,
Словам у музыки... И да минуешь ты
Глухие грани славы и гордыни.

Из Лины Костенко

* * *

А совесть – непосильна и хрупка...
И ночью боль пронзительней бывает...
Марку то что? Есть скрипка у Марка –
Кто плакал в крик бы, а Марко играет.

Играй, Марко, – что лыко, то в строку.
Куда ты денешься? Ты, как душа. Ты – вечный.
На горе каждое имеем по Марку –
Марко страдающий или Марко беспечный.

Не марокуй, Марко! Что так, так так...
И всё не так. Всё верно, да не складно.
Закончил польку, начинай гопак.
Играй, Марко, ты так играешь сладко.

Оно, конечно, что там говорить –
Всё было впрок. И не о чем балакать.
Но что поделаешь? Да пусть оно сгорит:
Смеяться, верно, веселей, чем плакать...

И как сказать? Что день, то пустограй –
Светло от радости, зато от скрипки больно,
От зореньки и до зари играй
Разлуке – тихо, а раздолю – вольно.

Что сплыло, право, было просто ложь,
Беда беду бедою перебудет,
Что быть должно, того не обойдешь,
А что не сладилось, того уже не будет.

А ты играй, мотай себе на ус...
Пылинкой в глаз – каприз не проморгаешь,
Но радость кончится, потом минует грусть,
Лишь то останется, что ты, Марко, играешь.

Играй, Марко, себе не потакай...
Ночь медленна, и боль не умолкает...
Еще живой... Ну что же ты? Играй...
Сгорела скрипка, а Марко играет.

Из Алексея Довгия

* * *

Прилетала белая птица,
Белая птица – снеговица...
Белая птица прилетала,
Белое перышко роняла.
– Спят ли деточки? – щебетала,
– Спят ли малые? – хлопотала,
Шепотком шептала,
колыбельку качала...

* * *

На свете все так просто начинается.
Цветет ячмень. Черешня наливается.
От фермы в поле тянутся стада.
Раскачивает облако вода.
И сына малого от отчего порога
Впервые мать выводит на дорогу.

Из Богдана Бойчука

КРЕСТЬЯНИН

Шел черной пашней.
Серебряная голова
свисала меж плечами.
И по лицу,
как бороной прошлись,
и борозды в ногах.

Шел черной пашней.
В горсти –
истрескавшийся
лоскутик неба,
в сердце –
комочек чернозема.
Разливалось
полуденное солнце
и обжигало ноги.

Шел.

Упал крестом.
Лоскутик неба
выскользнул из рук.
Устами ткнулся в лоно
земли
и почернел.

МАТЕРИ

...Увядающий куст сирени,
комоч глины.

Больше ничего.

За всё:
за громкий крик
на топчанчике рождения
и смерти,
за боль,
которая вымотала утробу,
за стон,
за обиженные уста,
за комоч жизни в твоих коленях,
брызнувший плачем,
за всё...

Из Марии Голод

ЗЕРКАЛО

Старое зеркало в золоченой раме
чуть потускнело,
большое старинное зеркало –
от прабабушки...
А напротив,
за плечами –
зеленое поле ковра
с розовыми цветами.
Никто не знает
куда оно делось:
старинное зеркало
в золоченой раме.
Там хранилось отражение молодости
четырёх поколений.

Аркадий Слуцкий (второй справа)
среди коллег-литераторов.
Воронеж, 2008 год